

ББК 83.014.4

*Н. В. Вязигина***Гендерные особенности мемуарного текста***N.V. Vyazigina***Gender Peculiarity of Memoir Text**

Представлены результаты исследования гендерных особенностей мемуарного текста в парадигме антропоцентрического подхода к языку. Материалом исследования выступают воспоминания мужчин и женщин — старожилов Барнаула о городе.

Ключевые слова: пол, гендер, языковая личность, воспоминания, мемуарный текст.

DOI 10.14258/izvasu(2013)2.2-31

Главная особенность, характеризующая современную науку, — это ее антропоцентричность. Фокус внимания исследователя переместился на человека, его внутренний мир, восприятие, осознание и переживание действительности. В связи с этим особый интерес в настоящее время получили такие сравнительно новые для языкознания категории, как *языковая картина мира, языковое сознание, языковая личность* и т. д. При этом ученые единодушны в том, что все перечисленные категории обладают собственной спецификой в зависимости от особенностей той группы, которая исследуется в свете антропоцентрического подхода к языку. Так, своими национально-культурными особенностями обладает картина мира каждого народа, выделяют различные типы языковой личности в зависимости от национальной, возрастной, профессиональной, половой принадлежности человека [1]. Центральная лингвистическая проблема — человек в языке — выдвигает на первый план индивидуальные характеристики говорящего субъекта.

Лингвистические исследования в антропоцентрической парадигме проводятся на различном материале: это могут быть ассоциативные поля [2], устные [3] и письменные [4] тексты и др. Материалом настоящего исследования являются мемуарные тексты, представляющие собой записи воспоминаний жителей Барнаула.

С точки зрения концентрации проявлений индивидуальных характеристик мемуарный текст обладает особым статусом. Одна из ведущих особенностей мемуарного текста — его информационная насыщенность. Тексты мемуарного жанра носят преимущественно конкретный характер (содержат сообщения о фактах, событиях, процессах, происходивших в реальном мире), но, кроме того, содержат информацию о субъективных переживаниях, чувствах автора по поводу описываемых событий. Языковые единицы

This work presents the results of research of gender features of the memoirs text in a paradigm of anthropocentric approach to language. As a material of research memoirs of men and women — old residents of Barnaul — about the city act.

Key words: floor, gender, language personality, memoirs, memoirs text.

в мемуарном тексте не только связаны между собой, но и вступают в отношения с внетекстовой, внеязыковой действительностью. Последовательность развития сюжета в мемуарном тексте может совпадать или не совпадать с реальной последовательностью событий, поскольку информация, выраженная в мемуарном тексте, опосредована особенностями мышления и памяти автора. Эта информация, которая является ментальным образованием, организуется на основе индивидуальных особенностей автора текста. Таким образом, в мемуарном тексте переплетаются достоверность и субъективность [5].

Еще одна особенность мемуарного текста — это одновременное существование автора в двух временных планах: прошлом и настоящем. В связи с этим, описывая события прошлого, автор имеет возможность дать им две оценки — с точки зрения «тогда» и с точки зрения «сейчас».

Тексты мемуарного жанра открывают практически неограниченный круг возможностей для исследования проявлений тех или иных групповых и индивидуальных особенностей, связанных с национальной, возрастной, профессиональной и половой принадлежностью автора. Поскольку сфера наших научных интересов — это гендер и его проявления в языке, — основной целью исследования было обнаружение в мемуарных текстах особенностей языкового сознания мужчин и женщин.

Для этого нами проанализированы 29 текстов, содержащих воспоминания старожилов Барнаула [5]. В ходе анализа выявлен ряд особенностей представления действительности в языковом сознании мужчин и женщин.

Отмечено, что повествование в женских текстах обычно начинается с самых первых детских воспоминаний, например, у Нины Васильевны Данилиной: «*Ярких страниц в моей жизни очень много. Пожалуй,*

самое первое и самое яркое и самое грустное воспоминание — это расставание с отцом. Мне тогда было 3 года, а сестренке — 6 лет. В 1942 году наш отец Лукин Василий Матвеевич был отправлен на фронт. Именно во время отъезда отца наша мама поехала садить картошку, и мы, маленькие девочки, остались дома одни. Очень хорошо помню этот момент — отец пришел проститься с нами, взял нас за руки, перевел через дорогу по нашей улице, попрощался, посадил на колени, поцеловал и ушел¹. Довольно значительная часть текста посвящена детству — дошкольному и школьному возрасту.

Из женских текстов видно, что некоторые темы, не сразу последовательно освещенные ими в начале рассказа, получают свое развитие как отдельные вставки-воспоминания из раннего детства, например смерть Сталина: «Запомнился мне день, когда объявили о смерти И. В. Сталина. Информацию объявляли по громкоговорителям по радио, люди подходили, останавливались и молча слушали, многие плакали. Помню, что стояло много людей под громкоговорителем. В то время это событие, которое потрясло всех, даже я, тогда очень маленький ребенок, ощущала какую-то трагичность в произошедшем, все были взволнованы, подавлены. Хотя обсуждений этой темы я не слышала».

Повествование в мужских текстах, в отличие от женских, как правило, начинается с момента окончания школы, приобретения профессии, вступления во «взрослую», общественную и трудовую жизнь, например, у Александра Зиновьевича Колосова: «Я прожил очень интересную жизнь: прошел путь от простого рабочего литейного цеха до директора крупного оборонного завода. Это была определенная жизненная школа. В семье у нас было одиннадцать человек: папа, мама и девять детей. Жили мы на Кубани очень бедно. Папа работал в заводской конторе заготовителем продукции для Красной Армии. Наша семья была приучена к напряженному труду. Я начал работать с 10 лет: пас овец, потом трудился в колхозе, учился в школе колхозной молодежи по сельскохозяйственному направлению. Ранней весной мы уходили на практику в поле. Эта практика не так для нас была важна, как для восстановления колхозного хозяйства: нас привлекали и на прополочные работы, и на посевную, и на уборочную».

В некоторых воспоминаниях женщина представляет чем-то неотделимым от семьи, отсюда замены «я» на «мы», «мое» — на «наше»: «В 1951 году наша семья поселилась в Барнауле. <...> Дорога в библиотеку от дома, где мы жили, шла по Ленинскому проспекту...»; «С 1952 года наша семья жила на улице им. В. Чкалова»; «Редко, но наша семья ходила в театр драмы» (Т. М. Степанская). Почти обязатель-

¹ Здесь и далее сохранен стиль авторов текстов. — Прим. ред.

ным атрибутом женских текстов являются упоминания о других членах семьи, в особенности о матери. Тема матери в женских текстах соотносится с темой дома и быта: «Помню, к Новому году мы все вместе с мамой дома поздними вечерами делали елочные игрушки». Тема отца — с более широким социальным контекстом: «Отец устроился на работу в трест «Алтайлес» главным механиком. Его вскоре отправили в длительную командировку в Боровлянский леспромхоз, где в июле 1939 годы появилась на свет я» (Т. В. Скворцова).

Тема семьи в мужских текстах в большей степени связана с воспоминаниями о родителях, чем о собственной семье: «В декабре 1941 г. мы с мамой переехали в новый дом. Было темно, морозно. Мама на саночках сестру, а я бежал рядом. Сестренке тогда было полтора годика» (Б. П. Вольхин). Такой этап, как женитьба, не упомянут ни в одном из исследованных мужских текстов, само упоминание супруги присутствует лишь у двух мужчин: «Пришел эшелон с нашими семьями. Приехала и моя жена Галя с двухмесячной дочкой Таней на руках (сейчас Таня — кандидат технических наук, преподает в Политехническом университете)» (А. З. Колосов); «Мы туда проходили, спускались вниз к Болдинской протоке и купались. Там я в первый раз поцеловал свою будущую супругу. Мне было двадцать четыре года» (П. И. Захаров). Достаточно четко прочитывается расстановка авторитетов в тексте Н. Г. Устенко: «Мне было 24 года, я был завидным женихом: неженатый, не покалеченный на войне, с образованием, партийный. Я в партию вступил в 42 году, хотя знал, на что шел: немцы расстреливали без предисловий евреев и коммунистов, но меня это не пугало. Я хотел стать учителем или юристом, потому что в те годы заочная учеба была организована для этих категорий людей» (далее тема создания собственной семьи не поднимается).

Такое отличие в воспоминаниях, на наш взгляд, явно связано с традиционными установками маскулинности: становление мужчины — это становление члена общества, приобретение умений и навыков, позволяющих занять в этом обществе определенное место. Можно предположить, что отсутствие информации о детстве, дошкольном и школьном возрасте связано именно с меньшей важностью этих периодов по сравнению с воспоминаниями о получении образования, приобретении профессии, общественной деятельности, личных достижениях в более поздние периоды жизни. При этом становление женщины как члена общества начинается раньше, чем у мужчин: с первых лет жизни девочка приобретает умения и навыки, необходимые в дальнейшей жизни. Процесс получения образования оценивается в женских текстах скорее с эмоциональной, личностной позиции, чем с профессиональной точки зрения. Сравните оценку учителя в женском тексте: «У нас была заме-

чительная школа с хорошим директором по фамилии Зайцев и замечательными учителями», — и оценку в мужском: «Это были опытные, грамотные кадры, и поучиться у них было чему»; «Добрую память оставили о себе наши учителя — Нина Алексеевна Николаенко (вела географию, астрономию), в меру строгая, требовательная, была завучем; Георгий Петрович Торопыгин — математик. Ходил он прихрамывая, с тросточкой. Требовательный педагог»; «Бухгалтерскому делу на практике мне пришлось учиться у Михаила Ивановича Кузьминых — моего непосредственного руководителя. Он был хорошим специалистом, в совершенстве знал бухгалтерское дело, был внимательным и терпеливым, когда дело касалось учебы молодежи. Он был для меня хорошим, как теперь говорят, наставником. Михаил Иванович классно считал на счетах, а это тогда тоже говорило о мастерстве, любил точность, аккуратность, как и подобает бухгалтеру». В первом случае оценка имеет эмоциональный характер, во втором — построена на рациональности, целесообразности.

Следует отметить также, что профессиональный фактор проявляется в мужских текстах намного ярче, чем в женских. Женщины в своих воспоминаниях практически не упоминают о своей профессии и сфере деятельности, в то время как восприятие действительности в текстах мужчин пронизано влиянием профессионального фактора. В мужских текстах воспоминаний, написанных сквозь призму профессии, присутствует большое количество специальных терминов из соответствующей сферы. Например, Петр Иванович Захаров, строитель, приводит свои воспоминания о городе: «Для того, чтобы сделать Поток индустриальным, надо было сделать новый завод силикатного кирпича (его построили около Власихи). Только это позволило нам строить дешевле и быстрее, потому что силикатный кирпич — это относительно дешевый материал». А вот воспоминания Михаила Ивановича Воронина, закончившего машиностроительный институт: «Это было очень интересное и очень трудное время. Страна приступила к восстановлению и перевооружению тракторной и сельскохозяйственной промышленности».

В противовес профессиональной деятельности, в женских текстах более ярко описана сфера семьи и быта. Например, актуальна в женских текстах жилищная тема. При этом жилье чаще всего описывается как пространство личного комфорта, связанное с радостью, положительными эмоциями: «Комната — 20 квадратных метров, печное отопление, но это была такая радость для нас, что переехали с 6 квадратных метров на 20»; «Вот сейчас Хрущева ругают, но тогда это помогло решить жилищный вопрос. Вы знаете, что значило получить такую квартиру в то время! Это было настоящее счастье!». Большое внимание уделяется вопросам быта, подробно описы-

ваются процедуры и традиции работы по дому: стирка и глажка белья, стегание одеял, даже способ ликвидации мусора.

В женских текстах имеются практически отсутствующие у мужчин отсылки к вопросам моды, одежды: «В 1-м классе я сшила себе костюм, он назывался «хлеб с целины». Белое платье было обшито полосками, где-то мне раздобыли небольшой сноп пшеницы. На голове у меня была красная кубаночка, снотик, перевязанный красной ленточкой с надписью: «Хлеб с целины». Это было тогда очень современно, модно. За этот костюм на городской елке я получила первый приз»; «Помню, у меня был такой костюм — льняные чулки, пажики, на которые пристегивались эти чулочки, а сверху красивая приталенная курточка с заячьей опушкой и коротенькая юбочка»; «Когда я закончила 10 классов, у меня было белое штателное платье, носочки беленькие и черные молескиновые (из ткани) туфли на каблукке. Вот такой был у меня наряд, в котором я ходила на танцы».

Сравните, например, упоминания об одежде в мужском тексте: «Пошивочный цех шил добротные полушубки, фуфайки, стеганные брюки, гимнастерки и модные тогда брюки-галифе цвета хаки. Кожа выпускал прекрасный хром и юфтовые кожи, которые поставлялись обувным предприятиям и артелям»; «В цехе холодно (не хватало тепловой энергии), трудно было согреться и в общежитии. Вот и не ставались с фуфайками, а то и с теплыми брюками, которыми тогда владели многие, да часто и другой одежды не имели», — здесь отсутствует личное отношение, какая-либо субъективная оценка костюма, нет оценки с точки зрения красоты, привлекательности.

В воспоминаниях мужчин немалое внимание уделяется теме спорта, спортивных игр, спортивной экипировки: «Кстати, когда сейчас я смотрю на экипировку современных футболистов, то невольно приходит в голову сравнение: наши тогдашние бутсы так же отличаются от нынешних, как водолазные боты от пуантов балерины».

В женских текстах по сравнению с мужскими более частотны негативные сравнения с точки зрения культуры и морали двух временных пластов — «тогда» и «сейчас»: «В то время учитель и среди родителей, и среди учеников считался авторитетным, уважаемым человеком. Как можно грубить учителю, не поздороваться с ним? Это считалось большим проступком. И так было по всей стране. Потом что-то упустили, и теперь у учителя уже нет того почта и уважения. Сейчас прежнего настроения нет, выпускники идут на практику, потому что так положено, отбывают, как каторгу».

Как показало исследование, проанализированный нами материал является весьма ценным и репрезентативным с точки зрения гендерных исследований. Воспоминания, представленные в данных текстах,

позволяют отследить достаточно крупные и целостные фрагменты картины мира человека в гендерном аспекте, обнаружить представленность гендерных ролей, гендерных стереотипов, этапов и особенностей становления гендерной идентичности в продуктах речевой деятельности.

Настоящее исследование — «пробный шар», позволяющий оценить пригодность материала для дальнейшего исследования. Следующим этапом мы планируем собрать более нейтральный материал, не имеющий строгой, заданной интервьюером

привязки к истории Барнаула, проанализировать не просто дословно зафиксированные устные тексты, но и записать непосредственно сам устный монолог каждого автора, что позволит проанализировать более точно в том числе и статистические характеристики мужской и женской речи. Кроме того, затрагивая гендерный аспект, нам хотелось бы попытаться разрешить ряд проблем, связанных с общими чертами мужской и женской речи, включив дополнительный параметр выборки материала — гендерный тип.

Библиографический список

1. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование : XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 2000.
2. Горошко Е. И., Яковенко И. Э. Русский ассоциативный словарь в гендерном измерении // Языковое сознание. Теоретические и прикладные аспекты. — М. ; Барнаул, 2004.
3. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. — М., 2006.
4. Ощепкова Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
5. Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век. Ч. 2 / отв. ред. Л. М. Дмитриева. — Барнаул, 2007.